

ЛАЙЗА ДЖЕНОВА

ВСЁ

ЕЩЁ

ЭЛИС

Это история, рассказать которую было просто необходимо.

New York Times

Содержание

[Сентябрь 2003 года](#)
[Октябрь 2003 года](#)
[Ноябрь 2003 года](#)
[Декабрь 2003 года](#)
[Январь 2004 года](#)
[Февраль 2004 года](#)
[Март 2004 года](#)
[Апрель 2004 года](#)
[Май 2004 года](#)
[Июнь 2004 года](#)
[Июль 2004 года](#)
[Август 2004 года](#)
[Сентябрь 2004 года](#)
[Октябрь 2004 года](#)
[Ноябрь 2004 года](#)
[Декабрь 2004 года](#)
[Январь 2005 года](#)
[Февраль 2005 года](#)
[Март 2005 года](#)
[Апрель 2005 года](#)
[Май 2005 года](#)
[Июнь 2005 года](#)
[Лето 2005 года](#)
[Сентябрь 2005 года](#)
[Эпилог](#)

[Интервью с Лайзой Дженовой](#)

**LISA
GENOVA**

Л А Й З А Д Ж Е Н О В А

**ВСЁ
ЕЩЁ
ЭЛИС**

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Lisa Genova
STILL ALICE
Copyright © 2007, 2009, 2019 by Lisa Genova
Originally published by Gallery Books, a Division of Simon
& Schuster, Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Илоны Русаковой

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Ранее книга выходила под названием «Навеки Элис».

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Дженова Л.
Всё ещё Элис : роман / Лайза Дженова ; пер. с англ. И. Русаковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021.

ISBN 978-5-389-19374-1

16+

Элис, профессор лингвистики в Гарварде, сделала блестящую карьеру, пользуется уважением коллег и студентов. Кроме того, она любящая жена и мать троих взрослых детей. Она в отличной физической форме, полна планов и надежд. И вот на пике своей жизненной активности Элис начинает замечать, что у нее случаются провалы в памяти, возникают трудности с ориентацией в пространстве. Невролог ставит страшный диагноз... Не желая смириться со своей болезнью, Элис ведет яростную битву за память, мысли, воспоминания, за своих любимых и близких... В одноименном фильме, снятом по роману «Всё ещё Элис», главные роли исполнили Алек Болдуин и Джулианна Мур, которая за свою работу в этой картине была удостоена множества наград, в том числе премии «Оскар».

© И. Б. Русакова, перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
Издательство Иностранка®

*Памяти Энджи
Элене*

Еще тогда, более года назад, в ее голове задыхались нейроны — их предсмертных криков она не слышала, хоть они и раздавались совсем недалеко от ее ушей. Кто-то возьмется объяснить: недуг этот столь коварен, что сами нейроны и дали толчок роковым событиям, неуклонно разрушая самое себя. Было это молекулярным убийством или клеточным самоубийством — не так уж важно. В любом случае они не смогли бы предупредить ее о своей гибели.

Сентябрь 2003 года

Элис сидела за своим столом в спальне, а на первом этаже метался из комнаты в комнату Джон, и его беготня не давала ей сосредоточиться. Прежде чем улететь, Элис должна была закончить экспертную оценку статьи для «Джорнал оф когнитив сайколеджи». Она только что в третий раз прочитала предложение, но так и не поняла его смысла. Будильник — Элис знала, что он спешит минут на десять, — показывал 7:30. Судя по тому, сколько было времени, и по усиливающемуся шуму на первом этаже, Джону пора уходить, но он не может вспомнить, куда положил какую-то вещь, и до сих пор ее не нашел. Глядя на цифры на будильнике, Элис постукивала красным карандашом по нижней губе и готовилась услышать неизбежное.

— Эли!

Она бросила карандаш на стол и вздохнула. Спустившись вниз, Элис обнаружила мужа в гостиной, он стоял на коленях возле дивана и шарил под подушками.

— Ключи? — спросила она.

— Очки. Только, пожалуйста, не читай мне нотаций, я опаздываю.

Элис проследила за его взглядом до каминной полки, где хваленые антикварные часы «Уолтем» показывали 8:00. Когда-то она искренне верила тому, что они показывают, но со временем стала полагаться только на те часы, что носила на руке. Как и следовало ожидать, в кухне она вернулась назад во времени, так как часы на

микроволновке настаивали, что еще только 6:52.

Элис окинула взглядом гладкую, ничем не заставленную гранитную столешницу — там, рядом с вазой, заваленной нераспечатанными письмами, они и лежали. Ничем не прикрытые, прямо на виду. Как он мог, такой умный, такой образованный, не заметить то, что лежит у него под носом?

Конечно, у многих ее вещей тоже была дурная привычка прятаться от хозяйки в самых странных местах. Но Элис не признавалась в этом мужу и никогда не привлекала его к поискам. Буквально на днях Джону повезло: он не знал, что она все утро судорожно искала сначала дома, а потом в офисе зарядное устройство от своего наладонника «блэкберри». В конце концов она сдалась, пошла в магазин и купила новую зарядку, а потом обнаружила, что «потерянная» торчит в розетке возле кровати, то есть там, где ее и следовало искать в первую очередь. Наверное, такие случаи можно было объяснить тем, что они оба привыкли делать сразу несколько дел, будучи очень занятыми людьми. И с годами не становились моложе.

Джон стоял в дверях и смотрел не на Элис, а на свои очки, которые она держала в руке.

— В следующий раз, когда будешь искать, попробуй притвориться женщиной, — посоветовала Элис.

— Надену какую-нибудь из твоих юбок. Эли, пожалуйста, я действительно опаздываю.

— Микроволновка утверждает, что у тебя еще куча времени, — заметила Элис, передавая ему очки.

— Спасибо.

Джон схватил их, как эстафетную палочку, и устремился к парадной двери.

Элис пошла следом.

— Ты будешь дома в субботу, когда я вернусь? — спросила она его спину, удаляющуюся по коридору.

— Не знаю, в субботу в лаборатории работы будет по

горло.

Он торопливо собирал со стола в прихожей портфель, телефон и ключи.

— Удачно тебе съездить. Поцелуй за меня Лидию и постарайся с ней не ссориться.

Элис мельком увидела их отражение в зеркале: высокий, хорошо сложенный мужчина, шатен с проседью, в очках; миниатюрная женщина с вьющимися волосами, скрестившая руки на груди. Оба готовы броситься, как в омут, в привычную перепалку. Элис скрипнула зубами и решила воздержаться от прыжка.

— В последнее время мы почти не видимся. Пожалуйста, постарайся быть дома, когда я приеду, хорошо? — попросила она.

— Да, знаю, я постараюсь.

Он поцеловал ее и, несмотря на то что уже очень спешил, на какой-то едва уловимый миг продлил поцелуй. Если бы Элис не знала его так хорошо, она могла бы добавить романтики моменту. Замереть на пороге и представить, что этим поцелуем он хотел сказать: «Люблю тебя и буду скучать».

Но, наблюдая, как торопливо он идет по улице, удаляясь от дома, она прекрасно понимала, что он только что сказал: «Я тебя люблю, но, пожалуйста, не психуй, если в субботу не застанешь меня дома».

Раньше каждое утро они шли до парка Гарвард-Ярда вместе. Работать в одной миле от дома и в одном университете с мужем — уже счастье, но больше всего Элис ценила эту дорогу на работу. Они всегда делали остановку в кафе «У Джерри» — черный кофе для Джона, чай с лимоном (холодный или горячий в зависимости от времени года) для нее — и шли дальше к Гарвард-Ярду. Разговаривали о том, над чем сейчас работают, о группах, факультетах, студентах и строили планы на вечер. Первое время, когда Элис и Джон только поженились, они даже держались за руки. Она

наслаждалась этой близостью во время каждой утренней прогулки. Но после целого дня напряженной работы, когда ради заветной цели приходилось решать множество повседневных задач, они становились измотанными и раздраженными.

Правда, с недавних пор Джон и Элис стали уходить на работу в Гарвард каждый сам по себе. Все лето Элис провела на чемоданах из-за конференций по психологии в Риме, Нью-Орлеане, Майами и необходимости присутствовать на защите диссертаций в Принстоне. Прошлой весной клеточные культуры, которыми занимался Джон, каждое утро требовали «прополаскивания». Он не мог доверить эту процедуру ни одному из студентов, поэтому делал все сам. Элис не могла припомнить, как и почему случилось, что они почти перестали видеться, но всякий раз причины казались ей очевидными, и ее не пугало то, что находились они постоянно.

Элис вернулась к работе над статьей. Она по-прежнему не могла сосредоточиться, на этот раз из-за несостоявшейся схватки с Джоном по поводу их младшей дочери Лидии. Неужели хоть раз встать на ее сторону для него смерти подобно? Конец статьи, несмотря на ее обычное стремление к совершенству, Элис проработала довольно небрежно. Но из-за нехватки времени и невозможности сосредоточиться иначе и быть не могло. Элис заклеила конверт, куда вложила свои комментарии и поправки, испытывая при этом угрызения совести: она вполне могла пропустить ошибку в построении статьи или неправильно употребленный термин. Это все Джон, он помешал ей работать.

Потом она заново упаковала чемодан, который и не был толком распакован после последней поездки. В ближайшие месяцы Элис рассчитывала реже уезжать из дома. В ее расписании на осенний семестр было всего

несколько приглашений приехать с лекциями, и почти все она запланировала на пятницу, свободный от преподавания день. Пятница как раз завтра. В качестве приглашенного преподавателя она начнет вести коллоквиумы по когнитивной психологии в Стэнфорде. А потом повидается с Лидией. И постарается с ней не поссориться, впрочем, это трудно обещать.

Стэнфордский Кордура-Холл Элис нашла быстро: он находится на углу Кампус-драйв и Панама-драйв. Для Элис, которая привыкла к пейзажам Восточного побережья, это здание с белыми оштукатуренными стенами и красной черепичной крышей, сочная зелень вокруг ассоциировались скорее с курортом на Карибах, чем с университетскими корпусами. Приехала она довольно рано, но, прикинув, что еще успеет посидеть в пустой аудитории и просмотреть подготовленную речь, поспешила войти в здание.

Элис ждал сюрприз — она оказалась в гуще людей, столпившихся у буфета и набрасывающихся на еду, как чайки на городском пляже. Элис не успела незаметно проскользнуть в аудиторию — прямо перед ней возник Джош, бывший ее однокурсник по Гарварду, самовлюбленный осел. Он стоял на пути Элис, словно приготовившись к схватке.

— Это все в мою честь? — игриво поинтересовалась она.

— Да нет, у нас такое каждый день. Сегодня — в честь одного из преподавателей, его вчера зачислили в штат. Ну а тебя Гарвард балует?

— Более или менее.

— Не могу поверить, что после стольких лет ты все еще там работаешь. Когда тебе там наконец надоест, перебирайся к нам.

— Как надумаю, дам знать. А у тебя как дела?

— Лучше не бывает. Загляни после лекции в мой офис.

Оценишь результаты наших последних исследований. У тебя голова закружится.

Элис очень обрадовалась, что у нее есть уважительная причина для отказа.

— Извини, но не смогу, должна успеть на рейс в Лос-Анджелес, — сказала она.

— Очень жаль. В последний раз мы, кажется, виделись на конференции по психоэкономике. К несчастью, я тогда пропустил твою презентацию.

— Что ж, сегодня у тебя будет возможность услышать часть из нее.

— Ха! Прокручиваешь по второму разу?

Элис не успела ответить, ее выручил Гордон Миллер, заведующий кафедрой и новое светило по совместительству: он неожиданно налетел на них и попросил Джоша помочь разнести шампанское. Как и в Гарварде, на кафедре психологии в Стэнфорде существовала традиция поднимать бокал шампанского в честь преподавателя, который достиг желанной ступени в своей карьере и получил бессрочный контракт. Обычно об очередном продвижении профессора по карьерной лестнице не слишком трубят, но бессрочный контракт того стоит.

Когда в зале не осталось ни одного человека без бокала с шампанским, Гордон поднялся на кафедру и постучал по микрофону.

— Могу я попросить минуту вашего внимания? — спросил он.

В притихшей аудитории, прежде чем Гордон продолжил, раздался слишком громкий отрывистый смех Джоша.

— Сегодня мы поздравляем Марка с получением постоянной должности. Уверен, сейчас он глубоко взволнован. Этот бокал я поднимаю за достижения, которые ждут его впереди. За Марка!

— За Марка!

Элис чокнулась с теми, кто был рядом, и в ту же минуту все вернулись к своим прежним занятиям — еде, алкоголю и разговорам. Когда с подносов смели последние закуски и опустошили последнюю бутылку, Гордон снова взял слово.

— Если все сядут, мы сможем начать.

Он подождал, пока около восьмидесяти человек сели и воцарилась тишина.

— Сегодня я имею честь представить вам нашего первого приглашенного лектора в этом году. Доктор Элис Хауленд — ведущий профессор психологии Гарвардского университета, представляющий школу Уильяма Джеймса. За свою более чем двадцатипятилетнюю безупречную карьеру она генерировала множество передовых идей в психолингвистике. Доктор Элис Хауленд является первооткрывателем в интегрированных и междисциплинарных подходах к изучению механизмов языка. Сегодня нам посчастливится услышать ее лекцию о смысловой и нервной организации языка.

Элис заняла место Гордона и оглядела аудиторию, которая, в свою очередь, разглядывала ее. Ожидая, пока стихнут аплодисменты, она вспомнила статистические данные, согласно которым люди боятся публичных выступлений больше смерти. А она любила выступать перед аудиторией. Ей доставляли радость контакт со слушателями в процессе обучения, изложение материала, возможность увлечь аудиторию, втянуть в дискуссию. И еще она любила ощущать выброс адреналина. Чем выше были ставки, чем искушеннее или враждебнее оказывалась аудитория, тем больше Элис волновал подобный опыт. Джон был превосходным преподавателем, но выступления перед аудиторией были для него скорее мучением. Он восхищался тем энтузиазмом, который испытывала Элис, готовясь к лекциям. Конечно, публичных выступлений он боялся

меньше, чем смерти, но больше, чем пауков или змей.

— Благодарю, Гордон. Сегодня я собираюсь поговорить о ментальных процессах, которые лежат в основе овладения языком, его организации и использования.

Элис прочитала бесконечное количество лекций на эту тему, однако не стала бы называть это «прокруткой по второму разу». В основе лекции лежали лингвистические принципы, многие открыла она сама и годами пользовалась одним и тем же набором слайдов, но не стыдилась этого и не считала, что ее можно упрекнуть в лени, наоборот, гордилась тем, что ее открытия выдержали испытание временем. Лекции и статьи Элис давали импульс дальнейшим исследованиям. К тому же она сама принимала в них участие.

Элис не нужно было заглядывать в свои записи, она говорила легко и свободно. И вдруг, где-то между сороковой и сорок пятой минутой лекции, вдруг забуксовала.

— Эти данные показывают, что неправильные глаголы требуют доступа к ментальному...

Она просто не могла найти нужное слово. Смысл того, что надо сказать, Элис не потеряла, но слово от нее ускользнуло. Она не знала, с какой буквы оно начинается и сколько в нем слогов. Это слово не вертелось у нее на языке.

Может, все дело в шампанском. Обычно Элис никогда не употребляла алкоголь перед выступлением. Даже если лекция проходила в самой непринужденной обстановке и Элис знала назубок то, о чем собиралась говорить, она предпочитала сохранять ясность ума, прежде всего для успешного окончания лекции. В конце ее выступления могла возникнуть дискуссия, и Элис всегда была готова ответить на вопросы. Но в этот раз она не хотела никого обидеть, а схлестнувшись с Джошем, выпила чуть больше, чем следовало.

А может, это было следствием перелета. Пока ее разум отыскивал в собственных закоулках нужное слово и докапывался до причины его потери, сердце Элис билось все глуше, кровь прилила к лицу. Прежде она никогда не сбивалась на публике. Но и не паниковала во время лекции, а ведь ей приходилось выступать и перед более многочисленной и агрессивно настроенной аудиторией, чем эта. Элис приказала себе дышать ровно, забыть обо всем и двигаться дальше.

Она подставила вместо потерянного слова неопределенное и неуместное «вещь» и перешла к следующему слайду. Возникшая пауза показалась ей вечностью, но, бросив взгляд на слушателей, она не заметила ни одного встревоженного или раздраженного лица. Потом она увидела Джоша, он перешептывался с сидящей рядом женщиной, и по его лицу блуждала улыбка.

Самолет шел на посадку в международном аэропорту Лос-Анджелеса, когда нужное слово наконец вернулось.

Лексикон.

Лидия жила в Лос-Анджелесе уже три года. Если бы она сразу после окончания старшей школы пошла в колледж, то этой весной уже получила бы диплом. И тогда Элис очень бы ею гордилась. Лидия, как казалось Элис, была умнее двух ее старших детей, а оба они поступили в колледж. Один в юридический, второй в медицинский.

Вместо этого Лидия предпочла отправиться в Европу. Элис надеялась, что дочь вернется домой, определившись, чем хочет заниматься и в каком колледже получать знания. Но Лидия не оправдала ее надежд. Вернувшись, она сообщила родителям, что влюбилась, пока жила в Дублине и училась актерскому ремеслу. И сразу же отправилась в Лос-Анджелес.

Элис чуть с ума не сошла. Особенно невыносимо было то, что она внесла свой вклад в то, что произошло. Дело в том, что Лидия была младшей из трех детей, родители которых работали и постоянно были в разъездах. Она всегда хорошо училась, и Элис с Джоном уделяли ей не так уж много внимания и мало в чем ограничивали. Лидия, в отличие от большинства детей ее возраста, могла сама принимать решения, никто не подвергал ее тотальному контролю. Карьера родителей служила блестящим примером того, что можно достичь многого, если ставить перед собой высокие цели и делать все возможное для их достижения. Лидия понимала, что мама права, когда говорит, как важно закончить колледж, но у нее хватило силы воли и смелости отказаться от этой идеи.

К тому же Лидия была не одинока. Самый горячий спор между Элис и Джоном состоялся после того, как он опустил свои два цента в копилку Лидии.

— Я считаю, что ничего плохого в этом нет. К тому же она всегда сможет поступить в колледж, если, конечно, захочет.

Это прозвучало примерно так.

Элис уточнила адрес в своем «блэкберри» и позвонила в квартиру номер семь, подождала, приготовилась еще раз нажать на кнопку звонка, и тут Лидия открыла дверь.

— Мам, я не ждала тебя так рано, — сказала она.

Элис сверилась с часами.

— Я прибыла минута в минуту.

— Ты говорила, самолет прилетает в восемь.

— Я говорила — в пять.

— У меня в ежедневнике записано: восемь.

— Лидия, сейчас пять сорок пять, и я здесь, стою перед тобой.

Лидия заметалась, как белка на шоссе.

— Извини, входи.

Перед тем как обняться, они помедлили, словно разучивали новый танец и еще не были уверены, каким должен быть первый шаг и кто поведет. Или, наоборот, они так давно не исполняли этот танец, что забыли, как это делается.

Элис почувствовала под блузкой Лидии ребра и позвоночник, дочь сильно похудела и весила футов на десять меньше, чем тогда, когда они виделись в последний раз. Элис хотелось верить, что это результат активного образа жизни, а не сознательного недоедания. Блондинка пять футов и шесть дюймов ростом, на три дюйма выше Элис, Лидия выделялась среди невысоких женщин итальянского и азиатского типа, которых в Кембридже было большинство, но на кастингах в Лос-Анджелесе таких, как она, наверняка пруд пруди.

— Я заказала столик на девять. Подожди здесь, я быстро.

Элис вытянула шею и из коридора обследовала кухню и гостиную. Мебель была, по-видимому, куплена на распродажах домашних вещей — оранжевый секционный диван, старинный кофейный столик и кухонный гарнитур в духе «Семейки Брэди»¹. Белые стены абсолютно голые, если не считать постер с Марлоном Брандо над диваном. И стойкий запах «Уиндекса», как будто Лидия перед самым приездом Элис делала уборку.

Вообще-то, в квартире было слишком уж прибрано. Ни разбросанных по комнате DVD- или CD-дисков, на кофейном столике ни книг, ни журналов, никаких наклеек на холодильнике, ни одного намека на эстетические пристрастия Лидии. В этой квартире мог жить кто угодно. А потом Элис заметила слева у входной двери груды мужской обуви.

— Расскажи, с кем ты снимаешь квартиру, — попросила она, когда Лидия вернулась из своей

комнаты с мобильным телефоном в руке.

— Они на работе.

— А что за работа?

— Один работает за стойкой, второй доставляет еду.

— Я думала, они оба актеры.

— Так и есть.

— Понимаю. Напомни, как их зовут?

— Дуг и Малкольм.

Лидия на секунду вспыхнула, когда произнесла имя Малкольма, но Элис заметила. Лидия это поняла и быстро отвела глаза.

— Что мы стоим? В ресторане сказали, что можно прийти пораньше, — сказала она.

— Отлично, только я сначала зайду в ванную.

Намыливая руки, Элис рассматривала то, что стояло на тумбочке рядом с раковиной: лосьон и увлажняющий крем «Неутрогена», мятная зубная паста «Томс оф мэйн», мужской дезодорант, коробочка тампонов «Плейтекс». Она задумалась. Все лето у нее не было менструации. А в мае была? В следующем месяце ей исполнится пятьдесят, так что она не слишком волновалась по этому поводу. Приливов пока не наблюдалось, по ночам не бросало в пот, но ведь не все женщины испытывают подобное во время климакса.

Вытирая руки, она заметила рядом со средствами по уходу за волосами, которые явно принадлежали Лидии, упаковку презервативов «Троян». Она решила побольше узнать об этих соседях дочери по квартире. В особенности о Малкольме.

Они сели за столик в патио «Айви», модного ресторана в центре Лос-Анджелеса, и заказали «Эспрессо мартини» для Лидии и бокал мерло для Элис.

— Как продвигается папина статья в «Сайнс»? — поинтересовалась Лидия.

Должно быть, она недавно общалась с отцом. Элис в последний раз слышала ее голос по телефону в День матери.

— Закончил и очень гордится своей работой.

— А как Анна и Том?

— Хорошо, очень заняты, много работают. Так как ты познакомилась с Дугом и Малкольмом?

— Как-то вечером они зашли в «Старбакс», была как раз моя смена.

Подошел официант, они заказали обед и напитки. Элис надеялась, что алкоголь снимет напряжение, которое висело в воздухе.

— Так как ты познакомилась с Дугом и Малкольмом?

— спросила она.

— Я только что тебе сказала. Почему ты никогда не слушаешь, что я говорю? Они пришли в «Старбакс» и говорили о том, что неплохо бы найти соседа по квартире, а я как раз в это время работала.

— Я думала, ты работаешь официанткой в ресторане.

— Работаю. В «Старбаксе» в будние дни, а в ресторане по субботам.

— Похоже, на актерство у тебя времени почти не остается.

— Я сейчас нигде не занята, но хожу на мастер-классы и собираюсь на прослушивания.

— Что за мастер-классы?

— Там преподают метод Мейснера.

— А прослушивания?

— Телевидение и журналы.

Элис покрутила бокал с вином, сделала последний большой глоток и облизала губы.

— Лидия, а в целом какие у тебя планы?

— Я не планирую останавливаться на достигнутом, если ты об этом спрашиваешь.

Алкоголь возымел свое действие, но не то, на которое рассчитывала Элис, а наоборот: атмосфера начала

накаляться, как всегда.

— Ты не можешь прожить так всю жизнь. Ты и в тридцать лет собираешься подавать кофе в «Старбаксе»?

— До тридцати мне еще целых восемь лет! Ты сама знаешь, что будешь делать через восемь лет?

— Да, знаю. В какой-то момент тебе не помешает стать платежеспособной, чтобы позволить себе такие вещи, как, например, медицинская страховка, кредит, пенсия...

— У меня есть медицинская страховка. И я могу начать зарабатывать как актриса. Многие люди так зарабатывают, знаешь, и гораздо больше, чем ты и папа, вместе взятые.

— Дело не только в деньгах.

— Тогда в чем? В том, что я не стала тобой?

— Говори тише.

— Не говори мне, что делать.

— Я не хочу, чтобы ты стала мной, Лидия. Я просто не хочу, чтобы в будущем у тебя не было выбора.

— Ты хочешь сделать выбор за меня.

— Нет.

— Я есть я, и это то, чем я хочу заниматься.

— Чем? Подавать в кофейне латте вентри? Твое место в колледже. Эту часть жизни ты должна посвятить тому, чтобы научиться чему-нибудь.

— Но я учусь! Просто не сижу в какой-нибудь гарвардской аудитории и не извожу себя, пытаюсь получить «А» по политологии. Я пятнадцать часов в неделю занимаюсь в серьезных классах по актерскому мастерству. Сколько часов в неделю занимаются твои студенты, двенадцать?

— Это не одно и то же.

— А вот папа думает иначе. Он за них платит.

Элис вцепилась в подол юбки и поджала губы. То, что ей захотелось сказать, было предназначено не для

Лидиных ушей.

— Ты даже ни разу не видела меня на сцене.

Джон видел. Прошлой зимой он летал в Лос-Анджелес, чтобы посмотреть на нее в какой-то постановке. Элис не смогла выкроить время, у нее была масса неотложных дел. Но сейчас, глядя в полные боли глаза Лидии, она не могла вспомнить, что это были за дела. Элис была совсем не против актерской карьеры, но считала, что стремление дочери стать актрисой и нежелание получить образование в какой-нибудь другой области граничит с безответственностью. Если сейчас она не поступит в колледж и не получит диплом, то чем будет заниматься, если затея с актерством не удастся?

Элис подумала о презервативах, которые видела в ванной комнате. Что, если Лидия забеременеет? Она боялась, что в один прекрасный день Лидия обнаружит, что ее жизнь — цепочка несбывшихся надежд. Она смотрела на дочь и думала о впустую растраченном потенциале и зря потерянном времени.

— Ты не становишься моложе, Лидия. Жизнь проходит слишком быстро.

— Согласна.

Принесли заказанные блюда, но ни Лидия, ни Элис не прикоснулись к приборам. Лидия промокнула глаза льняной салфеткой с ручной вышивкой. Их разговоры всегда заканчивались ссорой, для Элис это было все равно что биться лбом о бетонную стену. Эти стычки не могли быть продуктивными, они умножали потери и, кроме боли, ничего не приносили. Ей хотелось, чтобы Лидия поняла, что она ее любит и желает только хорошего. Хотелось потянуться через стол и обнять дочь, но мешали все эти тарелки, бокалы... и прожитые врозь годы.

Внезапная суета у соседнего столика заставила Элис и Лидию отвлечься друг от друга. Блеснули вспышками фотокамеры, посетители и персонал ресторана

смотрели на женщину, которая была чем-то похожа на Лидию.

— Кто это? — спросила Элис.

— Мам! — сказала Лидия с интонацией, которой она владела с тринадцати лет, — смесь смущения и чувства превосходства. — Это Дженнифер Энистон.

Они обедали и говорили на безобидные темы вроде еды и погоды. Элис хотелось что-нибудь узнать об отношениях Лидии и Малкольма, но она боялась затеять очередную ссору. Она заплатила по счету, и они вышли из ресторана, сытые, но неудовлетворенные.

— Мэм, простите!

Официант догнал их уже на тротуаре.

— Вы оставили это.

Элис опешила, не понимая, как у него оказался ее «блэкберри». В ресторане она не проверяла электронную почту и не заглядывала в календарь. Элис порылась в сумочке, «блэкберри» в ней не было. Должно быть, она выложила его, когда доставала бумажник, чтобы расплатиться.

— Спасибо.

Лидия с недоумением посмотрела на мать, словно хотела сказать о чем-то не связанном с погодой или кулинарией, но передумала. В ее квартиру они возвращались в молчании.

— Джон?

Элис остановилась в прихожей и ждала, не выпуская ручку чемодана. Прямо перед ней, на полу, на груди нераспечатанной почты лежал «Гарвард мэгэзин». В гостиной тикали часы, на кухне гудел холодильник. За спиной Элис остался теплый летний день, а в сумрачном, словно опустевшем доме воздух был холодный и спертый.

Она собрала с пола почту и прошла в кухню, а за ней, как преданный щенок или котенок, следовал чемодан на

колесиках. Ее рейс задержали, и, даже если верить микроволновке, она вернулась домой позже, чем планировала. У него для работы был целый день. Целая суббота.

Красная лампочка голосовой почты на автоответчике не мигала. Элис проверила холодильник. Ни одной записки на дверце. Ничего.

Так и не отпустив ручку чемодана, она стояла в кухне и смотрела на убегающие вперед часы микроволновки. Огорченный, но великодушный голос в ее мозгу перешел в шепот, а более приземленный становился все громче. Она подумала было позвонить мужу, но второй голос отверг эту идею и не принял никаких оправданий. Она подумала, что, может, и не стоит беспокоиться, но голос нарастал где-то внутри, будто эхом отдаваясь в животе, вибрируя в кончиках пальцев, так что на него трудно было не обращать внимания.

Почему это ее так беспокоит? Он проводит эксперимент и не может бросить все и пойти домой. Она сама бесчисленное количество раз была в такой ситуации. Такая у них работа. Они просто такие. Внутренний голос назвал ее идиоткой.

Элис заметила у задней двери свои кроссовки. Пробегка может пойти на пользу. Это то, что ей сейчас нужно.

Когда получалось, Элис бегала каждый день. Уже много лет пробегка была для нее такой же необходимостью, как еда или сон. Она могла выйти на пробежку среди ночи или в метель. Но последние несколько месяцев пренебрегала этой потребностью. Была слишком занята. Зашнуровывая кроссовки, Элис сказала себе, что не взяла их с собой в Калифорнию, потому что знала, что там времени на пробежки у нее не будет. На самом деле она просто забыла положить их в чемодан.

Стартовав от своего дома на Поплар-стрит, Элис всегда

следовала по одному и тому же маршруту: по Массачусетс-авеню через Гарвард-сквер до Мемориал-драйв, потом вдоль реки Чарльз к Гарвардскому мосту, а там через территорию Массачусетского технологического университета и обратно. Маршрут был проложен по кругу — немногим больше пяти миль, сорок пять минут. Она давно заразилась идеей принять участие в Бостонском марафоне, но каждый год, поразмыслив, приходила к выводу, что у нее нет времени на тренировки для забега на такую дистанцию. Может быть, когда-нибудь она сможет себе это позволить. Будучи в отличной физической форме для женщины ее возраста, Элис не сомневалась, что и на шестом десятке будет неплохой бегуньей.

Первый отрезок ее пути — через Гарвард-сквер — лежал сквозь толпы людей на тротуаре и пешеходные переходы. Все ждали субботнего вечера: толпились у светофоров в ожидании зеленого сигнала и у ресторанов — в ожидании освободившегося столика, выстраивались в очередь за билетами в кинотеатры, останавливали машины возле платных стоянок в надежде на свободное место, что было маловероятно. Первые десять минут, чтобы преодолеть все эти препятствия, Элис приходилось постоянно думать о том, что ее окружает. Но как только она пересекла Мемориал-драйв и оказалась на набережной реки Чарльз, все изменилось: теперь бежать стало проще. Безоблачный вечер привлек сюда множество народа, но все же на поросшей травой набережной было не так тесно, как на улицах Кембриджа. Непрерывный поток бегунов, собак и их хозяев, любителей покататься на роликах, велосипедистов, праздно шатающихся зевак и женщин, толкающих перед собой джоггеры², как опытный водитель на хорошо знакомой дороге... Теперь все это лишь отчасти занимало Элис. Она бежала вдоль реки и просто слушала, как кроссовки в синкопированном

ритме с ее дыханием шлепают по мостовой. Она не проигрывала в уме свою ссору с Лидией, не слышала, как урчит у нее в желудке, не думала о Джоне. Она просто бежала.

Как было заведено, Элис перестала бежать, как только оказалась на граничащих с Мемориал-драйв аккуратных газонах парка Джона Фицджеральда Кеннеди. В голове у нее прояснилось, мышцы приятно расслабились, и дальше она пошла пешком. Парк соединялся с Гарвард-сквер чудесной аллеей со скамейками по обе стороны, она шла между отелем «Чарльз» и Институтом государственного управления имени Кеннеди.

Миновав аллею, Элис остановилась на пересечении Элиот-стрит и Браттл-стрит и уже собралась перейти дорогу, как вдруг какая-то женщина с пугающей решительностью схватила ее за руку.

— Думала ли ты сегодня о Царствии Небесном?

Женщина не отрываясь смотрела на Элис, ее длинные волосы и по цвету, и по состоянию напоминали мочалку фирмы «Брийо», а на груди болтался плакат со сделанной от руки надписью: «Америка, покайся, вернись к Христу». На Гарвард-сквер всегда кто-нибудь агитировал за Господа, но никто еще никогда не обращался к Элис вот так, напрямую.

— Простите, — сказала она и, воспользовавшись тем, что как раз в эту минуту не было машин, перебежала на другую сторону улицы.

Элис хотела идти дальше, но вместо этого замерла как вкопанная. Она не понимала, где находится. Элис оглянулась. Женщина с мочалкой «Брийо» на голове устремилась по аллее за очередным грешником. Аллея, отель, магазины, странное пересечение улиц. Она осознавала, что стоит на Гарвард-сквер, но не знала, в какой стороне ее дом.

Элис сосредоточилась и попробовала сориентироваться. Отель, «Истерн маунтин спортс»,

«Диксон бразерс. Хозяйственные товары», Маунт-Оберн-стрит. Она хорошо знала эти места: Гарвард-сквер был ее любимым местом больше двадцати пяти лет, но сейчас почему-то не могла понять, в какой стороне относительно всех этих ориентиров находится ее дом. Черно-белый знак «Г» в круге прямо перед ней указывал на въезд в подземную красную линию для поездов и автобусов, но на площади было три таких знака, и она представления не имела, какой из них ей нужен.

Сердце заколотилось, Элис взмокла. Она сказала себе, что учащенный пульс и испарина — естественные и ожидаемые следствия пробежки. Но когда просто стоишь на тротуаре, это скорее похоже на панику.

Элис заставила себя пройти квартал, потом еще один, ей казалось, что ноги стали резиновыми и могут отказаться служить ей в любую минуту этого бесцельного блуждания. «Куп», «Кардулос», магазины на углу, через дорогу — Центр гостей Кембриджа, а за ним Гарвард-Ярд. Элис сказала себе, что она в состоянии прочесть вывески и разобраться. Не помогло. Контекст отсутствовал.

Люди, машины, автобусы и самые разные непереносимые звуки обрушивались на нее, обтекали и уносились дальше. Элис закрыла глаза. Она слышала, как сердце гонит кровь по телу и пульс стучит в ушах.

— Пожалуйста, пусть это закончится, — прошептала она и открыла глаза.

Все вокруг со скоростью удара хлыста встало точно на свое место. «Куп», «Кардулос», «Найнис корнер», Гарвард-Ярд. Элис не задумываясь поняла, что ей надо дойти до угла, повернуть налево и идти на запад по Массачусетс-авеню. Дышать стало легче: она знала дорогу домой. Но еще мгновение назад невероятным образом потерялась в миле от дома. Элис пошла как можно быстрее, только чтобы не бежать.